

Гомель: ранние этапы становления

Гомель (летописный Гомий) – один из древнерусских городов на землях Беларуси. Впервые он упоминается летописью под 1142 годом [1, стб. 312]. К сожалению, на официальном уровне до сих пор заявляется: «Гомель основан в 1142 году». Так переплетаются наивное неразумие и не лучшая казенная традиция. А в летописи говорится, что во время усобиц смоленский князь Ростислав Мстиславич вошел в пределы владений черниговских князей и взял возле Гомия «волость их всю». Наверное, горели гомийские села, а плененных крестьян со скотом и прочим скарбом гнали на Смоленщину в имения тамошних феодалов... Если город был окружен волостью, то с трудом верится в то, что он вместе с крупным сельскохозяйственным районом (волостью) был основан в одночасье в злополучном 1142-м. Обращение к документальной письменной традиции призывает нас быть корректными в словах и фразах, брошенных вглубь истории.

Скудость письменных сообщений (в XII в. Гомий упоминается всего 3 раза, затем история хранит молчание, вспоминая о нем вновь только в конце XIV ст.), их крайняя лаконичность не позволяют составить должное представление о рождении и становлении города. На помощь истории приходит археология. Она не только полностью меняет существовавшие представления, но и позволяет написать заново «земляную» летопись города.

Крупные археологические исследования, к которым автор этих строк имеет прямое отношение, проводятся в Гомеле четверть века. Остатки Гомия располагаются на правом берегу Сожа, на территориях центрального городского парка, площади им. Ленина, ул. Баумана, Пролетарской, Гагарина, Комиссарова, Фрунзе. В период своего «средневекового расцвета» (XII-XIII вв.) это было крупнейшее поселение с несколькими поясами обороны, развитой экономической и культурной жизнью. Археология решительно

«удревняет дату рождения» Гомеля, хотя и не может назвать ее с точностью до года и десятилетия.

Вопрос о времени возникновения Гомеля распадается на ряд «подвопросов». Время появления первого поселения человека и время возникновения города – это разные явления. Если мы их механически смешаем, то окажется, что Гомель не только намного древнее Новгорода Великого, Иерихона, Самарканда и Рима, но и египетских пирамид, Великой китайской стены. Аксиома, но абсолютное большинство старинных городов никем и никогда не основывалось. Даже летописец лукавил о том, что Москва была основана Юрием Долгоруком в 1147 г.: да, была заложена новая крепость, но на месте древнего и пока существовавшего поселения славян-вятичей. Почти всегда города вырастали из предшествующих им «негородских» поселений естественно-историческим путем. Исключения из правила есть там, где на «догородском» уровне не было сколь-нибудь интенсивной жизни в ее социально-экономических, культурных и иных проявлениях (примеры: заложение Санкт-Петербурга в почти безлюдной болотистой низине Невы, основание главнейших городов Северной Америки, – где индейцы до прихода европейцев не знали государственности). Что же касается определения возраста поселения как собственно городского, то археология предлагает несколько взглядов на эту проблему. Есть два основных научно обоснованных подхода. Первый обращает внимание на то, что историю города нужно отсчитывать с того момента, когда данное поселение развивается на одном месте без заметных перерывов, по ряду признаков начинает выделяться из среды прочих, рядовых поселений (например, размерами, укреплениями, набором предметов, включающим оружие, престижные украшения и пр.). Если эту точку зрения признать верной, то Гомель может отмечать свое 1500-летие. Такую дату своего рождения, основанную, главным образом, на археологических, а не летописных материалах, отпраздновал под эгидой ЮНЕСКО в 1980-х гг. Киев. Второй подход говорит о том, что «настоящий» город должен обладать набором определенных функций (в т.ч. указывающими на владыкование этого поселения над обширной округой), которые выполнялись городскими образованиями в период становления и развития государственности (административно-политическими, военно-оборонительными, полицейскими, культурными и духовными). Если ориентироваться на второй подход, то нашему городу археология должна отвести около тысячи лет. Археологи не предлагают математически высчитанной даты очередного юбилея. Они предлагают задуматься над тем, с каким тре-

петом следует относиться к бесценным памятникам прошлого, которые (только они) помогут ближе подойти к пониманию перипетий нашей ранней истории. И уточнить дату нашего «рождения»...

Гомельские древности по разным причинам мало интересовали историков и археологов. «Первопроходец» гомельского краеведения Лев Алексеевич Виноградов на страницах своего небольшого, но очень заметного сочинения «Гомель. 1142–1900», созданного на рубеже XIX и XX вв., справедливо сетовал на скудость исторических сообщений о первоначальном городе [2, с. 5-6]. Глазами археолога на Гомель впервые посмотрел гомельчанин, уроженец его предместья Ново-Белицы, Е.Р. Романов – известный общественный деятель и ученый-энциклопедист. В начале прошлого века он заметил, что на месте каменного дворца Румянцевых и Паскевичей в «доисторические» времена располагалось укрепленное поселение – «городок», а в «исторические» – Гомель занимал уже гораздо большее пространство [3, с.14]. В своих догадках и наблюдениях Е.Р. Романов был прав. Впервые лопата археолога вонзилась в культурные напластования старого города в середине 1920-х гг. Гомельский краевед и археолог, уроженец Брагинщины, И.Х.Ющенко проводит археологическую разведку возле башни дворца Паскевичей. В шурфе он расчищает слой с черепками глиняной посуды [4]. Ученые не обратили большого внимания на изыскания И.Х.Ющенко, поскольку тогда куда более громкие археологические открытия в разных уголках Беларуси следовали одно за другим.

На многие годы «археологический» интерес к Гомелю угас. Ученые отмечали, что после проведения масштабных строительно-архитектурных мероприятий династии Румянцевых и Паскевичей в конце XVIII-XIX вв., остатки средневековых гомельских древностей безвозвратно терялись. С одной стороны, в глубинке Северо-Западного края российскими владельцами создавался образ небольшого, но культурно выдержанного европейского города с великолепными сооружениями в стиле классицизма и ампира, регулярной планировкой улиц, монументальной каменной застройкой, парком и скверами, заложенными европейскими специалистами... Но вся новая красота, этот «прорыв» из «дремучего» средневековья в «цивилизированную» Европу зиждился на сокрушении свидетельств наших исторических истоков, тогда еще «спавших» в толщах древних культурных отложений и ожидавших своих первых исследователей. И Румянцевых, и Паскевичей винить можно и нельзя. Это была сама логика Истории, которая зачастую предлагает строить новую культуру на сокрушенном прахе прежней.

В 1975 г. в Гомеле работала первая большая археологическая экспедиция под руководством М.А.Ткачева. Ученый определил место расположения восточнославянского Гомия, его крепости и указал, что город возник раньше своего первого летописного упоминания [5, с.427]. С 1986 г. раскопки в Гомеле велись постоянно под руководством автора. Их организаторами неизменно выступали Гомельский областной краеведческий музей, Общество охраны памятников и Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины.

Ученые стремятся выполнить научные исследования там, где древние культурные отложения могут навсегда погибнуть под ковшом экскаватора. Одним из самых неожиданных было открытие, сделанное в 2001 г. В зоне прокладки коммуникаций возле памятника Н.П.Румянцеву при исследовании средневековых слоев археологи обнаружили кость шерстистого носорога, вида, вымершего в эпоху позднего палеолита, примерно 15 тысяч лет назад. Самое примечательное то, что кость обработана рукой человека и служила, по определению доктора исторических наук Е. Г. Калечиц, своеобразной толкушкой для размельчения пищи [6]. находка указывает на то, что в центре Гомеля скрываются остатки древнейшей на землях Беларуси стоянки людей. Таких стоянок известно только две – Бердыжская под Чечерском и Юровичская в Калининском районе. Позднейшие следы пребывания первобытного человека в поясе «большого Гомеля» относятся к финальному палеолиту, мезолиту, неолиту и бронзовому веку [7].

В железном веке история гомельских поселений продолжается. Холмистую местность при слиянии ручья Гомеюка и Сожа осваивают племена милоградской, а затем зарубинецкой культур. Милоградцы строят первую дерево-земляную крепость. Умело используя природные свойства рельефа, они отрезают площадку небольшого поселения от напольной стороны земляным рвом и валом. В этом небольшом поселке могло обитать до сотни человек, которые занимались земледелием, животноводством, охотой, рыбной ловлей, шитьем одежды, литьем украшений из привозного цветного металла и, что является показателем эпохи, добычей, обработкой железной руды и кузнечным делом. В ходе раскопок найдены остатки оборонительного рва городища, много обломков керамической посуды, глиняные пряслица. Местные милоградцы поддерживали экономические связи с весьма отдаленными регионами. Действительно, в гомельской земле найден обломок кельтского происхождения (Центральная Европа) керамического сосуда и

стеклянная бусина, некогда привезенная из Египта или какого-то района античного Средиземноморья.

На территории Гомеля было несколько городищ железного века. Судьба этих памятников оказалась печальной. Еще сотни лет назад погибло городище в Волотове. Сейчас на его месте возвышается храм, выстроенный при Н.П.Румянцеве. Прудковское городище, которое размещалось на обрывистом мысу сожской террасы в районе ул. Кожара, исчезло уже на глазах наших современников. Вначале его изуродовали распашкой, затем строительством. Для науки этот памятник утрачен безвозвратно. В плачевном состоянии пребывает широко известное ученым Гомельское Любенское городище, которое находится на берегу Сожа в ур. Шведская Гора. Как только ни мучали этот памятник: в годы войны германцы прокопали здесь сотни метров окопов, после войны, уже наши педагоги с учениками, выкопали полдесятка “огневых точек” для игры “Зарница”, потом соседняя лодочная станция захватила до половины площадки памятника и застроила ее. А теперь стаи байкеров своими стальными “харлеями” добивают остатки историко-культурной ценности, буксуя по его склонам. А ведь материалы исследований этого уникального памятника имеют серьезное международное значение. Раскопки здесь начал еще в 1920-х гг. И.Х.Ющенко и продолжил в 1970-х В.И. Сычев, который руководил археологической экспедицией ГГУ им. Ф.Скорины. В распоряжение науки попали остатки жилищ, элементы оборонительной системы, погребения по обряду сожжения, тысячи обломков керамических сосудов, глиняные пряслица, бронзовые украшения, железные ножи, шилья, вещи из кости. Среди редких находок – скифский наконечник стрелы в виде рыбки [8].

В V в. полчища варваров азиатского, германского и прочего происхождения сокрушают Западноримскую империю. Лангобарды, готы, вандалы, франки создают на ее обломках варварские королевства. Европа вступает в эпоху средневековья. И на исторической сцене впервые “под своим именем” появляются славяне. Тогдашние византийцы именовали их ветви венедами, антами и славинами. Внимание византийских историков (Иордана, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и пр.) к славянам не было случайным: орды этих северных народов переправлялись через полноводный Дунай, без труда проходили мощный оборонительный пояс византийцев (лимес). Славян, полуголых и слабо вооруженных, не могла остановить императорская конница и пехота, закованная в железо и хорошо обученная военному делу. К VII в. большая часть Греции уже говорила по-славянски. Восточнорим-

ской империи почти чудом удалось избежать печальной участи Рима. Эхо перемен всколыхнуло весь европейский мир, а не только римскую цивилизацию. Разные народы и племена в той или иной степени были причастны к тем драматическим событиям. Даже в тех землях, которые обойдены вниманием древних авторов (Беларусь здесь не исключение), происходили смены культур, обычаев, наречий.

Раскопки в Гомеле показали, что в V–VII вв. на месте, где сейчас возвышается дворец Румянцевых и Паскевичей, а также в ближайших окрестностях существовало крупное поселение ранних славян, состоявшее из городища, селищ и могильника. Раскопками открыты остатки жилищ, сооружений по обработке металлов, погребение-сожжение, собрано много разнообразных предметов – обломки керамической посуды, пряслица, ножи, тигли для плавки металла. Интересной находкой является славянское украшение раннего средневековья – пальчатая фибула. Гомельское поселение третьей четверти I тыс. н. э. заметно выделялось на фоне многих десятков небольших неукрепленных селищ местного населения. Можно предположить, что здесь был и экономический, и военный центр, и центр властвования [9, с.13]. И здесь можно искать истоки Гомеля как города, хотя решение этой серьезной задачи требует новых открытий и многолетнего кропотливого труда ученых.

На рубеже I и II тыс.н.э. в Посожье обитали славяне-радимичи. Предполагаемый автор знаменитой Повести Временных Лет, рассказывающей об истории славян и Руси, о церковной жизни и княжеских династиях, о распрях и войнах и многом другом, – монах Киево-Печерского монастыря Нестор – завершил свой труд в начале 12 в. Из Повести мы узнаем о том, что радимичи были “от рода ляхов” [10, с.11,14]. Можно буквально понимать: радимичи были по происхождению поляками. Но Нестора можно понимать и по-другому: их предки пришли на Сож с запада, где они жили по соседству с ляхами. Свое “племенное” имя радимичи получили от предводителя Радима. Кем он был? Скорее всего, вождем такого уровня, которого западные хронисты титуловали по-латински “гех”, то есть “король”.

Нестор, как истинный монах, порицал любое проявление язычества. Радимичам под его пером досталось чуть-ли не больше, чем всем иным славянам, “не ведающим Закона Божьего”. Оказывается, наши предки-радимичи не только не верили в истинного Бога, но вершили обряды не в церквях, а у воды, устраивали “бе-совские плясания” между селениями, где без заключения брака “умыкали” себе невест, “срамословили” в кругу близких людей без

всякого стыда. А тело умершего они не предавали земле по церковному обычаю, но сжигали его, прах высыпали в сосуд и ставили в неких сооружениях-столпах “на путех” (на дорогах). В 885 г. русско-варяжский князь Олег Вещий проводит политику объединения народов Восточной Европы вокруг вновь учрежденной столицы, града Киева. Летописец повествует, что радимичи платили дань правителям Хазарии – сильного юго-восточного соседа славян. Олег отменил хазарскую дань и ввел свою – по серебряной монете от крестьянского хозяйства [10, с.20]. В 907 г. разноплеменное многотысячное войско Олега осадило столицу Византии Константинополь. Ряды его варварской армии составляли варягско-скандинавы, кривичи, словене новгородские и многие иные. Среди них были и радимичи – выходцы из окрестностей Гомеля. Получив огромный выкуп, “русь” возвратилась в свои пределы [10, с.23-25]. Около 911–912 гг. Олег Вещий, укушенный по легенде змеей, выползшей из черепа его давно погибшего коня, умирает. Радимичи выходят из-под власти Киева. Но уже в 984 г. великий князь Владимир Святославич, после походов на славян и ятвягов, отправляет на радимичей свое войско под водительством воеводы Волчьего Хвоста. Битва с радимичами произошла на загадочной речушке Песчане [10, с. 59]. Место знаменательного события вслед за российскими географами XVIII – начала XIX вв. обычно ищут в окрестностях современного Славгорода на Могилевщине или на Брянщине. По мнению автора этих строк, Песчанская битва состоялась на южных подступах к Гомелю, на берегу речушки Песошеньки в окрестностях современной Песочной Буды – там, где проходила древняя дорога из Чернигова на Гомель [11]. Последний раз земля радимичей упомянута в летописи под 1169 г. [12, с. 538]. Главным оплотом радимичского «сепаратизма» был Гомий. В радимичской земле тогда завязывались раннефеодальные отношения, местная знать жаждала власти. Но Киевская Русь была сильнее и не терпела «автономий». История распорядилась так, что окончательное вхождение радимичского Посожья в состав Руси дало дополнительный толчок для его поступательного развития. В земле радимичей восточнославянское государство получило в свое распоряжение древние племенные центры Пропошеск (совр. Славгород), Чичерск (Чечерск), Гомий и большое количество сел. В это время Гомий был высокоорганизованным (в историческом понимании) поселением городского типа.

XI столетие прошло для Гомия под знаком стремительного роста территории и народонаселения. Под стенами городища-крепости разрастаются обширные поселения-посады. Почти везде,

где лопата археолога тревожит земляные напластования исторического центра Гомеля, обнаруживаются остатки культуры «долепописного» периода. В XI в. политическое единство Киевской Руси начало трещать по швам. Выделялись в той или иной степени самостоятельные княжества – Полоцкое, Смоленское, Черниговское и прочие. В это время земли Нижнего Посожья вместе с Гомием оказались надолго связанными с Черниговом.

Второе известное нам летописное упоминание о Гомие датировано 1158/59 г. Великий князь киевский Изяслав Давидович ведет борьбу с Ярославом Галицким. Он опирается на военную помощь кочевников. Но, подкупленные Ярославом степняки бросают Изяслава Давидовича на произвол судьбы. Потерпев поражение, Изяслав (бывший князь черниговский) бежит в Гомий (в свое домиальное владение), где собирает дружину и продолжает вооруженную борьбу за утраченный киевский стол. «Князь же великий киевский Изяслав Давидович, видев беду и напасть на себя, утрашися и вострепета зело. И восплакав, побеже скоро з братаничем своим со князем Святославом Владимиричем на Вышеград в Гомью, а по княгиню свою посла гонцев зело скоро в Киев. Она же бежа из Киева к зятю своему ко князю Глебу Юрьевичу сыну Долгорукага во град Переяславль Руский, он же проводи ея до Гомья» [1, стб. 498, 500].

Третье сообщение древнерусской летописи о Гомие датировано 1164 г. После смерти князя Святослава Ольговича черниговский стол занял Святослав Всеволодович. Опережая конкурентов на власть, он «посла сын свои в Гомии, а посадники посла по городом» [1, стб.523]. Рассматриваемое сообщение показывает, что Гомий был важным для Чернигова центром (если туда на правление “садится” не чиновник-посадник, а княжеский отпрыск). Следовательно, во второй половине XII в. Гомий не только по-прежнему пребывал в составе Черниговского княжества, но и, скорее всего, стал столицей удельного княжества.

Гомельская «земляная летопись» неожиданно дополнила письменные свидетельства. При раскопках на усадьбе Петропавловского собора была найдена свинцовая печать, которая подвешивалась к документу государственного значения. Скреплять документы такой буллой могли великие и удельные князья, высшие церковные иерархи, а в Новгородской и Псковской республиках – высшие лица гражданского управления. Большинство известных науке печатей связаны с актами по передаче (наделению, дарению и пр.) той или иной собственности, в первую очередь, земельной. Внимательное изучение гомельской печати показало, что она при-

надлежит именно черниговскому (а затем – великому киевскому) князю Святославу Всеволодовичу. Вторая свинцовая печать была обнаружена случайно в техническом грунте, поднятом со дна Сожа земснарядом. На ней был изображен воин-святой и оттиснута сокращенная трехстрочная греческая надпись. Эта печать принадлежит известному персонажу восточнославянской истории – сыну Мономаха – Мстиславу Владимировичу. Она датируется самым концом XI или рубежом XI-XII вв. Многими учеными Мстислав считается последним единоподержавным правителем Руси, который пытался сохранить ее политическое единство [9, с. 137-141].

XII – середина XIII вв. – период расцвета средневекового Гомеля. Его границы стремительно расширяются. В центре возвышается мощная крепость-детинец. В ней находится соборная церковь, дворец князей или их наместников. К ней примыкает сам город, населенный преимущественно ремесленниками и промысловиками. Его тоже окружают крепостные стены. А рядом разбросаны посады, населенные пришлым людом. Эту картину открыли многолетние археологические раскопки.

Почти весь город был деревянным, распланирован на улицы, переулки и отдельные усадьбы-дворовладения площадью от двухсот до нескольких сотен квадратных метров. На рядовых подворьях обычно стоял одноэтажный срубный дом, хозяйственные помещения, часто – мастерская. Горожане не порывали с сельским хозяйством. Они держали скот, возделывали поля, которые примыкали к городской черте. Но все-таки ремесленные, промысловые и торговые занятия были главными. Ученые нашли десятки тысяч предметов, связанных с повседневным бытом и занятием средневековых гомельян. Но есть находки поистине уникальные.

Когда-то говорили, что Румянцевы застали Гомель соломенным и сделали его каменным. Так оно и было в начале 19 в. Но как история распоряжалась раньше? При раскопках найден строительный материал XII-XIII вв. – плинфа. Это – кирпич византийского происхождения, который выжигался на Руси в тех местах, где строились христианские святыни. Каменное зодчество стоило исключительно дорого. Вероятно, в Гомеле летописных времен было несколько каменных православных церквей. По поздним, уже времен Великого княжества Литовского документам, мы можем догадываться об их именах: соборный храм Святого Николая, церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Троицкая и Спасо-Преображенская. Под лопату археологов попали и обломки церковных колоколов, и предметы личного христианского благочестия. Среди них – кресты нательные и складни. За складнями ходи-

ли к Гробу Господню в Святую землю (в Палестину) и в столицу восточнославянского православия – Киев. В складнях приносили на родину мощи святых.

Древнейшая церковная история Гомеля почти не изучена. Но сопоставление письменных и археологических свидетельств говорит нам о том, что первые века вхождения радимичского Посожья в состав Руси прошли под знаком противостояния новой веры и язычества. Но это противостояние привело и к органичному впитыванию христианством тех древних славянских обычаев, обрядов, которые не противоречили христианским. Языческие представления об устройстве мира уживались с христианскими. Во время раскопок гомельских мастерских XII–XIII вв. найдены свидетельства верований в Перуна-громовержца – каменные шлифованные топоры и тесла. Но о культурной жизни древнего города говорят и иные находки. При раскопках жилища, погибшего в пожаре около середины XIII в., найдены остатки деревянного сосуда, где была вырезана благопожелательная надпись «Господи, помоги рабу своему Федору». Наши далекие предки были грамотными. Они писали на навощенных деревянных досточках-церах, следуя античному обычаю, и на бересте. При раскопках Гомеля обнаружена серия металлических предметов для письма – стилей [9, с.137-141].

Культурные напластования Гомеля насыщены предметами вооружения. Здесь есть наконечники стрел от лука, арбалетные наконечники-болты, части защитного вооружения. Открыта уникальная мастерская по сборке и ремонту вооружения. Она сгорела в первой половине XIII в. Гомельская мастерская и по сей день остается неповторимым памятником восточноевропейского средневековья. В момент открытия (1987 г.) собрание найденных в ней деталей защитного вооружения превышало тысячу, а это было больше количества известных по всей Руси. Здесь работал опытный мастер, который собирал мечи, сабли, шивал металлические панцири, ремонтировал кольчуги, снаряжал защитные элементы рук и ног – поножи и наручи. Почти все предметы вооружения создавались на месте. Гомельские находки говорят о том, что местные воины были вооружены по первому слову тогдашней евразийской техники, могли противостоять как степнякам, так и западным рыцарям.

Гомий сгорел в первой половине XIII ст. Раскопки показывают, что он подвергся тотальному разгрому. В жилищах и мастерских остались вещи, за которыми никто не пришел. В откосе оборонительного рва детинца найдены материальные свидетели кровавых событий, которые указывают на тех, кто разрушил цветущий

щий город. Здесь археологи подняли типичные для монголов наконечники стрел – срезни. Они, буквально торчащие из земли, называют: город сражался и пал после ожесточенного штурма. Летописная история с большой печалью описывает события конца 1230-х – начала 1240-х гг., когда под ударами преемников Чингисхана пали вся Северо-Восточная и Южная Русь. В 1239 г. после осады и ожесточенного штурма монголы взяли славный Чернигов и превратили его в пепелище. До Гомия им оставалось не более ста километров... О гибели города летописи молчат. Но церковно-историческое «Житие Михаила Черниговского» говорит о том, что участь Чернигова разделили многие города черниговские...

После монгольского погрома Гомий возрождался долго и мучительно. Но это уже иная история, связанная с эпохой Великого княжества Литовского.

Литература

1. Полное собрание русских летописей / М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – Т. II. – 938 стб.
2. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. – М.: Тип. Н.Н.Шарапова, 1900. – 48 с.
3. Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-западного отдела Русского Императорского Географического общества. – Вильна, 1910. – Кн. 1 – 33 с. (отд. оттиск).
4. Ющенко И.Х. Археологические раскопки в парке им. Луначарского // Полесская правда. – 1926. – 7 сентября.
5. Ткачев М.А. Работы в Белорусском Посожье // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 427–428.
6. Макушнікаў А.А., Калечыц А.Г. Палеалітычная прылада з Гомеля // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Навук. выд. / Інстытут гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – Вып.3 – С. 242.
7. Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Беларуси / Научн. ред. Д.Я.Телегин. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
8. Сычоў В.І., Лашанкоў М.І. Раскопкі гарадзішча Любны // Гістарычна-археалагічны зборнік (Памяці Міхася Ткачова) / Інстытут гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1993. – У 2-х частках. Частка другая. – С. 22–41.
9. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. – Гомель: УЦ ГГУ им. Ф.Скорины, 2009. – 217 с.
10. Повесть временных лет // Под ред. В.П.Андриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 406 с.
11. Макушнікаў А.А. Бітва 984 г. на рацэ Пяшчане і летапісны шлях “у радзімічы” // Гістарычна-археалагічны зборнік. Навук. выд. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 1995. – Вып. 6. – С. 202–213
12. Полное собрание русских летописей /Под ред.Е.Ф.Карского. Воспроизвед. текста изд. 1926 -1928 гг. – М.: Изд. вост. лит-ры, 1962. Т.I. – 578 с.